

НАШИ ГОСТИ

УЧАСТЬ У ЖИЗНИ

БЫВАЕТ так. Смотришь спектакль. Хороший, с отличными актерами, наслаждаешься, отдыхаешь. И вдруг какая-то незначительная, на первый взгляд, деталь, фраза будто переворачивает душу. Сразу не разбираешься, что же произошло, только глаз не можешь оторвать от сцены, ловишь зачарованно каждое слово. Будто задел актер какую-то глубоко запятанную, но очень чуткую струну (а ее не каждый актер заденет), и теперь, хочешь или не хочешь, а ты в его власти.

...Чепурного в спектакле Ленинградского драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской «Дети солнца» играет М. Д. Ладыгин. Играет хорошо — видишь сразу, но в чем секрет — не понимаешь еще, и тут наступает это «вдруг»...

Во втором действии после тяжелого разговора с Лизой в ответ на приглашение к чаю Чепурной говорит: «Давайте, что же еще делать». Незначительная эта фраза, смысл которой сразу же забываешь, будто ударяет, некоторое время не понимаешь, о чем дальше говорят на сцене. Будто искра страдания, мелькнувшая в простом «давайте», в душе зрителя вспыхнула пламенем, которое сжигает сердце Чепурного. А он, будто опомнившись, словом себя (в который раз), становится опять тем же насмешливым, ироничным, скептически настроенным. Пять слов, но в них вся трагическая судьба умного человека. Актер задел струну, заставил думать.

Как же это произошло? Взять хотя бы эту фразу. Никакой долбежкой не добьешься такого ее действия. Может быть, актер где-то слышал ее в жизни? Так сказать пять слов можно, лишь глубоко проникнув в существо образа, вобрав в себя всю жизнь, все чувства и мысли человека.

КОГДА спрашиваешь Михаила Дмитриевича Ладыгина, как он работает над ролью, как и большинство актеров, он не сразу найдет, что ответить. Трудно, потому что не выразишь словами огромное напряжение, духовное и умственное, когда везде — дома, на улице, в театре, непрерывно, независимо от собственного желания,

живет в тебе другой человек.

Откройте пьесу «Дети солнца» М. Горького. Там не сказано, где Чепурной как посмотрел, с какой интонацией сказал он ту или иную фразу, он только в словах... А слова эти волшебные, могущественные, но и коварные. Некоторым — они лишь двусмысленные подсказки, где и как ступить. Умному, чуткому актеру они — верные союзники. Строгий логический анализ обыкновенных слов, сказанных в простой домашней обстановке (не выступлений, не речей), поставил перед актером человека во весь рост, раскрыл движение его мысли, а значит и мотивы поступков, его привычки, отношения с людьми, взгляд на явления жизни. Актер создал образ в своих мыслях и чувствах, который уже живет, но еще отдельно от конкретных обстоятельств пьесы.

И здесь начинается творчество в самом прямом смысле слова. Интуиция открытия ведет актера. Образ находит свое сценическое воплощение, уже давно в мыслях предугаданное. Герой живет в актере, говорит его голосом, смотрит его глазами, а с другой стороны, обусловленной внутренней логикой образа, герой говорит и смотрит так, как хочет сам. И актер осторожно, проверяя, радуясь и сердясь на своего героя, следует за ним, соглашаясь, что да, действительно, только так, именно так мог, например, Чепурной сказать свою фразу-искорку во втором дейст-

вии, только так мог он растеряться и забегать с вдруг повлажневшими глазами, когда узнал, что Лиза радуется его предположению.

Это радость открытия, радость творчества. И она во сто крат увеличивается от того, что актер щедро делится ею с нами, зрителями, каждый раз мягко, но неуклонно втягивая нас в создание образа.

Душевная щедрость, чуткость, знание человека, развитое чувство меры, доверие к зрителю, строгое мастерство (Михаил Дмитриевич уже 30 лет на сцене — сначала в театре Балтийского флота, а потом в театре имени Комиссаржевской) — вот те качества, которые создали и генерала Южина в инсценировке романа Д. Гранина «Иду на грозу», полковника Андреева в драме И. Штока «Объяснение в ненависти» и следователя Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании» по Достоевскому.

Совсем немного места занимает генерал Южин в пьесе, но кажется, что давно его знаешь, — умного, доброго, с твердым голосом и лукавинкой в глазах, справедливого и прямого, к которому вот так бы подойти прямо из зала и рассказать свои горести.

Порфирий в «Преступлении и наказании» просто поражает. Когда-то М. Д. Ладыгин часто играл комедийные роли в пьесах А. Островского. Очевидно, еще к ним восходит точный пластический рисунок этого образа, отточенная мимика, жесты, все время меняющийся голос. Легко и просто актер доносит до нас сложные идеи Достоевского, раскрывает логичность суждений Порфирия. А в конце дарит потрясающей деталью. Мирно объяснив Раскольникову его преступление, посочувствовав, довольный собой Порфирий спускается по темной лестнице. Последний раз мы видим его — с опущенной головой, тяжело шагает он, сутуля спину, какой-то весь придавленный, он исчезает во мраке улицы. Вот вам и довольный собой Порфирий, страж законности. И ему, видимо, не сладко живется, как и всем героям Достоевского. И он — порождение и жертва мрачной жизни.

Вот так и заставляет думать Михаил Дмитриевич Ладыгин — заслуженный артист РСФСР и ЭССР.

ЧУВСТВУЕШЬ себя в большом долгу перед человеком, который, даже и не зная о твоём существовании, вот так бескорыстно, щедро заставляет тебя мыслить и чувствовать, превращает из благодушного созерцателя в активного участника событий.

И. ТИМОФЕЕВА.